

Предлагаем вниманию читателей заключительную часть отчета о заседании Круглого стола, проведенного в редакции журнала “МЭ и МО” 9 апреля 2018 г. В заседании приняли участие: Володин А. Г., д.и.н., гл.н.с. ИМЭМО РАН; Воскресенский А. Д., д.полит.н., профессор, директор Центра МГИМО; Давыдов О. В., с.н.с. ИМЭМО РАН; Канаев Е. А., д.и.н., профессор НИУ ВШЭ; Карнеев А. Н., к.и.н., зам. директора ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломанов А. В., д.и.н., профессор РАН, гл.н.с. ИДВ РАН; Мазырин В. М., д.э.н., директор Центра ИДВ РАН; Михеев В. В., академик РАН, зам. директора ИМЭМО РАН; Рябов А. В., к.и.н., гл. ред. “МЭ и МО”; Сумский В. В., д.и.н., гл.н.с. ИМЭМО РАН; Федоровский А. Н., д.э.н., гл.н.с. ИМЭМО РАН; Швыдко В. Г., к.э.н., в.н.с. ИМЭМО РАН.

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТИХООКЕАНСКОЙ АЗИИ: ВЕКТОРЫ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

© 2019 г.

Материал поступил в редакцию 09.06.2018.

Редакция публикует материалы дискуссии, посвященной анализу происходящих перемен в системе международных и торгово-экономических отношений, в сфере региональной безопасности в Тихоокеанской Азии (ТА). Участники обсуждения рассмотрели эволюцию политики ведущих стран региона (Китая, Японии) и межгосударственных объединений (АСЕАН), а также динамику и перспективы интеграционных процессов в ТА.

Ключевые слова: Тихоокеанская Азия, Индо-Тихоокеанский регион, международные отношения, интеграционные процессы, региональная безопасность.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-112-122

Карнеев А. Н. Говоря о факторах, так или иначе влияющих на изменения ситуации в ТА, следует остановиться на некоторых новых моментах в эволюции политической системы Китая. Много уже написано о результатах XIX съезда КПК (осень 2017 г.) и мартовской (2018 г.) сессии китайского парламента, о решении по отмене ограничений на срок нахождения в должности руководителя страны, а также об установлении еще более всеобъемлющего контроля коммунистической партии за всеми сферами управления и общественной жизни. В этой связи отметим такой тренд, как возрастающая разнонаправленность политики, проводимой в КНР в различных сферах. Если в области экономики и финансов провозглашается задача дальнейшего и “всестороннего” углубления реформ, либерализации режимов допуска на китайский рынок внешнеэкономических субъектов, то в сфере регулирования различных аспектов общественной жизни, функционирования институтов гражданского общества, а также идейно-политической активности разворачивается прямо противоположная либерализации тенденция. В результате, как отмечается рядом СМИ, оживленная

общественно-политическая атмосфера эпохи Ху Цзиньтао сменилась ситуацией, когда различные представители разных групп общества и идейно-политических позиций в условиях серьезного давления просто предпочитают помалкивать.

В этом году исполняется 40 лет китайским реформам и открытости, в связи с чем внутри страны и за ее пределами много дискуссий связано с вопросом о перспективах дальнейших реформ и вообще о том, в каком направлении дальше будет двигаться Китай.

В 2017 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе Си Цзиньпин произнес речь, которую мировые СМИ и многие эксперты расценили как “защиту свободного рынка и глобализации”. В этом году он туда повторно не поехал, а Китай на форуме представлял его ближайший сподвижник Лю Хэ, на мартовской сессии ВСНП назначенный вице-премьером Госсовета КНР, который продолжил линию Си Цзиньпина. Выступая в Давосе, Лю Хэ, занимавший на тот момент пост руководителя канцелярии Рабочей группы ЦК КПК по финансово-экономическим вопросам, упомянул вероятность того, что юбилей 40-летия китайских реформ будет использован для того, чтобы инициировать

новые реформы, “некоторые из них выходят далеко за то, что прогнозируется международным сообществом”¹.

В контексте курса на продолжение реформ неслучайно, что в Китае развернулась дискуссия об отношении к наследию их зачинателя Дэн Сяопина. Еще год назад в общественном дискурсе внутри Китая и за его пределами появились утверждения о так называемом постепенном “демонтаже наследия Дэн Сяопина” при Си Цзиньпине. Среди других аналитиков с такой версией выступил один из лидеров студенческого движения 1989 г., ныне проживающий в эмиграции, Ван Дань. Он указывал на несколько аспектов, которые свидетельствуют о явном отказе от наследия Дэн Сяопина².

1) У Дэна – во внешней политике отдавался приоритет принципу *тао гуан ян хуэй* (политика максимального отказа от активного позиционирования по всем вопросам международной политики, прямо не затрагивающих жизненно важные интересы Китая), у Си – ОПОП и стремление к активному продвижению китайских интересов по всему миру.

2) У Дэна – отрицание классовой борьбы и Культурной революции, у Си – тезис о “двух тридцатилетиях” (имеется в виду необходимость отказа от отрицательных оценок периода правления Мао с 1949 по 1976 г.).

3) Если у Дэна при его отрицательном отношении к “буржуазной либерализации” имелась относительная терпимость к разным мнениям (при нем у представителей различных идеологических лагерей была определенная свобода высказываться), то при Си государство собирается контролировать все без исключения сферы общественной жизни. Тем самым обращаются вспять последние двадцать лет постепенного развития элементов плюрализма и идейно-политического многообразия в китайском социуме.

4) Дэн на основе трагического опыта “культурной революции” и негативной роли Мао Цзэдуна задумался об изменениях в системе государственного управления, создал механизм коллективного руководства, ввел ограничения на срок нахождения у власти, создав тем самым условия для легитимного обновления руководства, начал процесс отделения партийных дел от административных. Си же начал ломать эту систему.

Из целой серии событий, указывающих на определенный поворот к левым настроениям, надо отметить появившиеся в начале этого года в школьных учебниках новые оценки “культурной револю-

ции”. На смену прежним формулировкам об этом периоде как о “десятилетней смуте” пришли новые акценты – теперь говорится о “десятилетии трудных поисков”. Если в прежних версиях школьных учебников подчеркивались такие понятия, как “хаос и бедствие”, то теперь говорится о том, что с помощью “культурной революции” Мао Цзэдун надеялся предотвратить реставрацию капитализма в стране³.

Интересно то, что в начале правления Си 4–5 лет назад тезис о возможности и закономерности постепенной дедэнсяопинизации довольно широко дебатировался в околонуучных кругах, причем конкретно говорилось о том, что именно устарело из идей и лозунгов Дэна: тезис о *таогуан янхуэй*, затем постулат о том, что в ходе реформ “сначала обогатятся немногие”. Наконец, многим уже тогда казался не вполне адекватным современным реалиям тезис об “ощупывании ногами камней при переходе через реку” (принцип смелого экспериментирования без оглядки на идеологические и доктринальные ограничения). Однако на официальном уровне в то время все же было дано понять, что руководство страны не считает нужным открыто признавать необходимость отхода от модели Дэн Сяопина⁴. Здесь, справедливости ради, надо отметить, что если для иностранцев модель Дэна является символом приверженности реформам, то внутри страны довольно давно стало нормальным говорить и о таких “изначальных” свойствах “модели Дэн Сяопина” и его преемников, как безоглядная погоня за цифрами роста ВВП при игнорировании процессов социального расслоения; коррупция и вседозволенность чиновничества; коммерциализация общественной морали и размывание “изначальных ценностей” КПК. С учетом той миссии, с которой Си Цзиньпин пришел к руководству страной (борьба за спасение партии от постепенной утраты “красных ценностей” и легитимности в глазах населения в условиях построенного Дэн Сяопином и его наследниками госкапитализма под личиной “специфического” социализма), возможно, отход от некоторой части наследия “прораба китайских реформ” действительно воспринимается правящим слоем как разумная мера.

В этой связи отметим и такой факт, как новое выдвижение Си Цзиньпином на XIX съезде такого концепта, как “китайская модель”. Многие помнят, что дискуссия о “китайской модели” возникла приблизительно в 2009 г. – году 60-летия КНР. Тогда, на фоне мирового экономического кризиса среди наблюдателей приобрели популярность рас-

¹ Available at: https://news.mingpao.com/pns/dailynews/web_tc/article/20180125/s00013/1516817912740

² Available at: <https://www.rfa.org/mandarin/pinglun/wangdan/wd-03022017125313.html>

³ Available at: http://culture.dwnews.com/renwen/news/2018-01-11/60034932_all.html

⁴ Available at: <http://news.creaders.net/china/2012/12/04/1212541.html>

суждения о том, что, мол, модель развития Китая (своего рода “третий путь”) доказала свою лучшую эффективность (по крайней мере, для развивающихся стран) в сравнении с утратившими привлекательность либеральными экономическими моделями стран Запада. События 2012 г. во внутривнутриполитическом развитии КНР, связанные, мягко говоря, с не вполне безболезненным переходом власти к “пятому поколению руководителей” (то есть к Си), вскрыли нелицеприятную изнанку “китайского экономического чуда”. Такие явления, как ожесточенность борьбы группировок в руководстве страны, масштабы злоупотреблений и расточительности руководителей разных уровней объективно способствовали обоснованию “миссии Си Цзиньпина” по возвращению партии “к изначальным ценностям”. Поэтому в тех условиях рекламировать “китайскую модель” стало как-то неудобно. Видимо сейчас, на фоне нового витка усилий Китая по продвижению своих интересов в глобальном масштабе, ситуация сильно изменилась, и “китайская модель” (некоторое время допускалось говорить только о “китайском пути”) обретает второе дыхание.

Воскресенский А.Д. Несмотря на появление у Китая глобальных амбиций, военно-политической переориентации стран Тихоокеанской Азии на КНР не происходит. Государства ТА/АТР не пошли на полный пересмотр своих военно-политических партнерств в связи с ростом Китая, несмотря на усиление на них китайского военно-политического давления; рост экономических связей Китая застопорился, начали формироваться альтернативы Китаю, но не военно-политического, а гибридного типа. При этом Китай стал рассматриваться и позиционировать себя как важный инструмент развития Евразии. Одновременно многие международные эксперты заявляют, что надежды на превращение Китая в источник процветания в АТР и Азии оказались преувеличенными, поскольку его новая модель развития пока не сформирована.

Рябов А.В. Мы плавно подошли к проблематике региональной безопасности в ТА и изменений, которые здесь происходят и могут произойти, а также главных конфликтных “узлов”.

Сумский В.В. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что эти масштабные и многомерные перемены разворачиваются в ТА на этапе, когда контуры того, что как бы авансом именуют “новой региональной архитектурой” безопасности, намечены разве что поверхностными штрихами. Напомню, что главные компоненты этой “архитектуры” – Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС) и Совещание министров обороны стран –

участниц АСЕАН с министрами обороны 8-ми диалоговых партнеров (СМО АСЕАН+8) – были и остаются прежде всего площадками многосторонних дискуссий, результаты которых не оформляются в виде каких-либо обязывающих решений. Если добавить, что три упомянутые площадки не связаны между собой никакими институциональными связями, то приходится констатировать: как бы мы ни называли это политико-экономическое пространство, очевидно, что система региональной безопасности там до сих пор не сложилась. Будут ли усилия предшествующей четверти века, направленные на ее создание, полностью “обнулены” в ситуации “стратегической неопределенности”, в которую регион вступил на наших глазах, или какие-то наработки все же удастся спасти? От определенного ответа на этот критический вопрос я бы пока воздержался.

Воскресенский А.Д. В этих условиях США не только подтвердили, но и усилили свои связи с союзниками через “диалог по сдерживанию” в АТР с целью сохранить режим нераспространения ядерного оружия. Это привело к формированию неформального неустойчивого консенсуса вокруг проблемы Корейского полуострова, нацеленного на краткосрочную дээскалацию напряженности при продолжении режима санкций в отношении КНДР, усилению военного союза США–Республика Корея (РК), военно-политической координации по линии США–Япония при воздержании от несанкционированного военного давления на КНДР в условиях короткой передышки перед объявленной американо-северокорейской встречей на высшем уровне.

Мазырин В.М. На мой взгляд, изменения в системе региональной безопасности происходят явно в пользу Китая. Эти изменения усилятся при мирном урегулировании конфликтов в Корее и ЮКМ (реально с подписанием Кодекса Поведения Сторон (англ. *Code of Contact (COC)*) в Южно-Китайском море). После стабилизации положения на Ближнем Востоке на условиях России глобальный центр противостояния Востока и Запада переместится в ТА. Тогда баланс сил в регионе будут определять Китай и Россия.

Ломанов А.В. Ослабление экономической взаимозависимости между США и Китаем открывает больше пространства для политического и даже военного конфликта. Попытки Д. Трампа использовать тайваньский фактор для усиления давления на Китай могут привести к разрушительным последствиям.

На фоне обострения экономического спора между Вашингтоном и Пекином администрация США утвердила закон о поездках официальных лиц на Тайвань и выдала разрешение на переда-

чу американских технологий для производства на Тайване дизель-электрических подводных лодок. Постройка субмарин займет много времени, а вот закон о поездках способен испортить атмосферу китайско-американского сотрудничества уже в ближайшем будущем.

Дело в том, что Пекин видит в этом законе попытку Вашингтона пересмотреть политику “одного Китая” путем расширения контактов с Тайбэем до уровня, близкого к восстановлению дипломатических отношений. Отныне на остров смогут ездить американские чиновники любого ранга. Есть вероятность того, что летом 2018 г. на Тайване побывает советник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон. Антикитайская риторика американцев может быть истолкована сторонниками независимости Тайваня как окно возможности на фоне расширения военно-политического сотрудничества Тайбэя и Вашингтона. Если американский фактор приведет к росту политической самонадеянности тайваньской элиты, угроза возникновения конфликта в Тайваньском проливе увеличится многократно.

Рябов А.В. Перейдя к региональным конфликтам, начнем с Корейского полуострова.

Давыдов О.В. Если рассматривать влияние сюжетов Корейского полуострова на общую ситуацию на Тихоокеанском пространстве, то наиболее существенный момент состоит в том, что Корея по-прежнему остается зоной полной неопределенности в силу своеобразия протекающих там процессов, их непредсказуемости и быстрой переменчивости. А поскольку полуостров находится в регионе, где смыкаются интересы и важные направления деятельности многих крупных держав, в отношениях между которыми тоже далеко не все гладко, то без изменения этих корейских реалий вести речь о выстраивании каких-то долгосрочных проектов в области безопасности, инфраструктуры или торгово-экономического сотрудничества весьма сложно.

Что касается последних новаций в политике КНДР, которая после мощной демонстрации своих возросших возможностей в ракетно-ядерной области, с начала этого года вдруг резко сменила курс и всячески выказывает “миролюбие”, стремление к улучшению межкорейских отношений и даже заявляет о готовности отказа от ядерного оружия, то в этом видится какой-то подвох. Вообще очень смущают такие крутые развороты в политике диктаторских режимов, где к принятию стратегических решений причастна ограниченная горстка высших руководителей, которые в любой момент могут дать событиям реверсивный ход. Это, кстати, не раз происходило в прошлом, когда северокорейские руководители пытались затеять в своих

интересах какую-то хитроумную комбинацию, но затем так же быстро сдавали назад, если игра не складывалась.

С учетом вышесказанного, думается, нет оснований говорить о смене парадигмы в политике КНДР. Объяснить возникшую ситуацию можно по-разному. Вполне возможно, что в этой стране уже произошли или назревают какие-то негативные события или процессы, о которых мир пока не знает. Например, что-то пошло не так с военными планами, и ракетно-ядерные программы зашли в тупик в силу недостатка экспертизы и технических возможностей либо по причине отсутствия необходимых компонентов и материалов. Признать это открыто северокорейцы не могут, значит – надо торговаться, “пряча товар под прилавком”.

Думается, однако, что сильно ошибаются те, кто готов поверить в искренность стремлений лидера КНДР отказаться от ядерного оружия в обмен на экономическую помощь и некие гарантии безопасности. Если это так, то какой смысл был затевать многозатратные программы и утверждать (еще в конце 2017 г.), что северокорейское оружие способно превратить “в ядерную пыль” всю континентальную часть США?

Чтобы понять Ким Чен Ына, нужно попытаться поставить себя на его место. Баллистические ракеты разных классов и мощные ядерные взрывные устройства – это его собственное детище, предмет особой гордости. Это лично им сформированная реальность, которая в глазах сограждан является единственным зримым достижением страны за последние годы, подкрепляющим легитимность и право на высшую власть своего лидера. Поэтому усилия КНДР предусматривают возможность решения ядерной проблемы по “индийскому сценарию”, то есть молчаливого согласия с тем, что Северная Корея, формально оставаясь вне рамок ядерного клуба, де-факто сохраняет право на обладание ограниченным военным ядерным потенциалом.

То есть, если встреча с Д. Трампом вообще состоится, существует большая вероятность несоответствия ожиданий, учитывая принципиальную позицию Вашингтона в пользу “полной, необратимой и верифицируемой” денуклеаризации Корейского полуострова, к чему северокорейцы явно не будут готовы в обозримой перспективе. Учитывая весьма эмоциональный характер обоих партнеров, срыв переговоров может не только отбросить ситуацию к исходной точке, но и придать ей дополнительную нежелательную остроту.

Что же касается межкорейских отношений, то возобновление дипломатии саммитов (последний состоялся в 2007 г. между Ким Чен Ир и Но Му Хеном) способно привнести некоторую стабили-

зацию в эти отношения. Однако нужно понимать, что, если Пхеньян делает ставку на возобновление торгово-экономического сотрудничества в полном объеме, причем предпочтительно в форме получения безвозмездной помощи со стороны Юга, то возможности президента РК в этом плане весьма ограничены. Во-первых, в отношении КНДР действуют многочисленные двусторонние санкции, принятые начиная с 2010 г., отменить которые в силу внутренних и международных причин будет нелегко. А во-вторых, согласованная между Вашингтоном и Сеулом позиция предусматривает, что никакие послабления в отношении Северной Кореи невозможны до тех пор, пока она твердо не встанет на путь демонтажа своего ядерного потенциала.

Михеев В.В. В 2018 г. на Корейском полуострове произошли качественные сдвиги. Но они связаны не с перспективами безъядерного мира, их по-прежнему нет, а с новой внешней политикой Пхеньяна. КНДР, и это было озвучено в Новогоднем послании Ким Чен Ына, но тогда не очень замечено наблюдателями, считает, что завершила этап создания ракетно-ядерного потенциала. Ядерный статус включен в конституцию, ядерная стратегия закреплена в партийных документах и выступлениях лидеров страны. Теперь главная цель Пхеньяна – мировое признание его ядерного статуса (США, Россия, Китай). Он понимает, что не может рассчитывать на это де-юре. Поэтому идет на *“индийский вариант” – признание этого де-факто*. Здесь ему нужна новая, *“контактная дипломатия”*, подразумевающая саммиты с Южной Кореей, Китаем, США, Россией, странами ЕС и т.д. Пхеньян готов обсуждать любые вопросы – ядерной безопасности, экономического и культурного сотрудничества и т.д., но только не ядерное разоружение. Вопрос приобретает простой и философский характер – могут ли США, Китай, Россия пойти на индийский вариант признания ядерного статуса КНДР? На мой взгляд, такое развитие событий создало бы прямые и косвенные угрозы безопасности России, прежде всего для Дальнего Востока. Вот перечень этих угроз. Во-первых, это опасность заражения нашей территории в результате очередного ядерного испытания. Во-вторых, случайное падение ракеты на российскую территорию. В-третьих, попадание ядерного оружия в руки исламских террористов, с которыми у КНДР есть торговые связи. В-четвертых, импульс для активизации военных ядерных программ в других странах, например, в Саудовской Аравии, Японии, на Тайване, который с точки зрения международного права не является независимым государством. Наконец, в-пятых, непредсказуемость судьбы ядерного оружия в случае вероятного коллапса Северной Кореи и того или иного варианта гражданской войны.

Мазырин В.М. А по-моему, в ситуации вокруг Корейского полуострова есть качественные сдвиги в пользу КНДР. Зреют предпосылки объединения Кореи и превращения единой страны в мощную экономическую и военную державу ТА.

Михеев В.В. Бесперспективность любых переговоров с Северной Кореей, в случае неприемлемости для остальных стран индийского варианта признания ее ядерного статуса де-факто, связана со следующими обстоятельствами. Пхеньян, видя в ядерном оружии главную гарантию безопасности северокорейского режима (и памятуя о том, что стало с теми, кто отказался от ядерных программ – Ирак, Ливия, Украина), не пойдет на обсуждение вопросов полного *ядерного разоружения*. Вместо этого он будет играть на стремлении всех стран решить проблему мирным путем и предлагать концепцию денуклеаризации Корейского полуострова. В надежде, что дипломатическая бюрократия Китая, России, США, Южной Кореи, подобно тому, как это было в 2005 г., в очередной раз *“проглотит наживку”*. Разница в подходах состоит в следующем. США и вслед за ней Южная Корея и Япония понимают под *“денуклеаризацией”* полную, проверяемую, необратимую денуклеаризацию Северной Кореи (так называемую *CVID – complete, verifiable, irreversible de-nuclearisation*). А Северная Корея – вывод американских войск из Южной Кореи, снятие американской ядерной защиты Южной Кореи, прекращение американско-южнокорейских маневров и т.п. При этом под верификацией, и это в свое время показала попытка применить соглашение 2005 г., Северная Корея подразумевает допуск инспекторов только в те места, которые она считает возможным показать. Любые новые игры в переговоры с Пхеньяном на этом и закончатся. Повторю еще раз, учитывая мировой опыт, можно прийти только к одному выводу: в интерпретации северокорейского руководства только ядерное оружие гарантирует ему безопасность.

Рябов А.В. А как развивается ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ), где существуют серьезные территориальные споры между Китаем и странами Юго-Восточной Азии?

Воскресенский А.Д. При нынешнем развитии событий можно говорить об относительной стабилизации ситуации в Южно-Китайском море. КНР не контролирует полностью военно-политическую ситуацию в ЮКМ и поэтому продолжит строительство искусственных островов и баз, как, впрочем, и другие государства региона. Китай запустил программу строительства авианосцев, им будут сформированы, по крайней мере, 4–5 авианосных групп в ближайшие 5 лет, в состав которых войдет как минимум 2 так называемых супер-авианосца водоизмещением от 80 000 т с атомной установкой

и, возможно, с электромагнитной катапульты. Наличие таких авианосных групп позволит эффективно проецировать силовые интересы КНР не только в регионе ЮКМ, но и в Индийском океане, а программа их строительства стратегически более выгодна и, возможно, окажется финансово менее затратной, чем строительство искусственных островов с военной инфраструктурой. Подобные программы, но в гораздо меньшем размере будут осуществляться и другими странами, среди которых Индия, Австралия, Канада, Япония и Таиланд.

Мазырин В.М. Положение в Южно-Китайском море стабилизировалось не только относительно. В будущем эта тенденция только укрепится. Процесс идет на условиях Китая, позиции его наиболее активных оппонентов сдают даже Вьетнам (впервые согласился прекратить разведку и добычу нефти с иностранными партнерами в пределах зоны “коровьего языка”) и Филиппины (отказались от решения в свою пользу Гаагского арбитража о территориальном споре с Китаем). Основные причины отказа от конфронтации – выгоды китайского проекта ОПОП, опасные последствия авантюрной политики и давления США для стабильности в мире и регионе.

Реальная альтернатива доминированию КНР – совместное с Китаем освоение ресурсов ЮКМ (Вьетнам уже пошел на это в Тонкинском заливе, Филиппины – в спорных районах), а также другие экономические проекты. Так, Вьетнам ввел в практику закупку в Китае полуфабрикатов промышленных изделий, например стали, алюминия и др., для их доработки у себя и продажи на мировой рынок под видом вьетнамской продукции, что до недавних пор позволяло Китаю обходить экономические санкции США. Это означает формирование новых производственно-сбытовых сетей, если не сказать скрытого торгового альянса против США. Недавнее введение Вашингтоном антидемпинговых пошлин на экспорт такой продукции в США означает, что они решили противодействовать этому и серьезно намерены – даже за счет ухудшения двусторонних отношений – сократить внешнеторговый дефицит с Китаем, СРВ и т.п. Такие шаги могут заметно ухудшить экономическое положение партнеров США, поскольку во Вьетнаме профицит в торговле с США равен 15% его ВВП. Это помогает перекрыть дефицит в торговле с КНР – 10% ВВП.

Канаев Е.А. В ЮКМ обозначилась готовность Китая и стран АСЕАН к компромиссу. В этой связи показательно предложение Китая странам АСЕАН провести военные учения в Южно-Китайском море в формате 10+1, а во втором – готовность президента Филиппин Р. Дутерте обходить стороной проблему Южно-Китайского моря “с

прицелом” на приток инвестиций КНР в инфраструктуру Филиппин.

Рябов А.В. Ну а теперь перейдем к рассмотрению позиций ключевых региональных игроков на развитие ситуации в ТА. Начнем с Индии.

Володин А.Г. Индия уже давно, с начала 1990-х годов (когда была обнародована “восточная политика” этой страны), стремится стать частью Тихоокеанской Азии. Политика “*look east*” как раз и является своеобразным институциональным каркасом движения Индии в направлении Юго-Восточной Азии. Во внешнеполитическом истеблишменте в Дели полагают: “стратегический диалог” с Соединенными Штатами сделает страны ЮВА более восприимчивыми к “восточным” инициативам Индии. Тем более, что с легкой руки президента США Д. Трампа в дипломатический оборот введена новая дефиниция – “*Indo-Pacific*”.

Действительно, “восточная политика” стимулировала рост объемов внешнеэкономических связей Индии и стран ЮВА. Однако главным партнером государств АСЕАН остается Поднебесная; инвестиционные потоки из Китая в ЮВА никак не приближают лелеемую индийскими политиками идею интегрировать экономику “крупнейшей демократии мира” в систему отношений в Тихоокеанской Азии. Авторы из стран ЮВА пишут о “недостаточном” геоэкономическом потенциале Индии на пространстве АТР; подобные взгляды, по-видимому, скрывают нежелание стран АСЕАН расширить доступ индийским товарам на свой рынок и тем самым защитить от внерегиональных “игроков” собственное экономическое пространство.

Не стоит забывать и о двойном геополитическом “тяготении” Индии. Западное направление внешнеэкономической деятельности приносит Индии осязаемые материальные выгоды. Так, переводы финансовых средств из стран Персидского залива фактически “закрывают” дефицит платежного баланса Индии, что приобретает особую ценность в свете возобновившегося роста цен на нефть и другие энергоносители. Значение Западной Азии в системе внешнеполитических приоритетов Индии столь велико, что “стратегические элиты” в Дели принялись за разработку политики “*look west*”. Поэтому остается неясным, как правящие круги Индии сумеют одновременно выстроит и иерархию своих внешнеполитических предпочтений, и последовательность своих действий как на западном, так и на восточном направлении при сохраняющейся ограниченности необходимых ресурсов, направляемых на внешнеэкономическую деятельность.

Целесообразно иметь в виду, что сама внешнеполитическая деятельность Индии продолжает оставаться в своего рода “методологическом ту-

пике". Бесмысленное 73-дневное "гималайское противостояние" летом 2017 г. заставило правящие круги Индии начать пересмотр своих отношений с Китаем, поскольку надежда на помощь США в двустороннем конфликте оказалась беспочвенной. Формулирование новых, "постдокламских" приоритетов, видимо, потребует времени, тогда как "сказочным" идеям типа "*Indo-Pacific*" придут на смену более "прозаические"/реалистические представления о необходимости "новой редакции" отношений с Китаем, об укреплении "всеобъемлющего стратегического диалога" с Японией, поисков кратчайших путей в Центральную Азию и т.п. Очевидно, тогда Индия сможет обрести мирополитическую *субъектность*, которая поможет "крупнейшей демократии мира" успешно взаимодействовать с Тихоокеанской Азией.

Рябов А.В. Япония?

Швыдко В.Г. В сфере безопасности *тенденция к потере уверенности в эффективности прежней модели миропорядка*, основанной на американском лидерстве и системе военно-политических союзов с участием (и, по определению, с ведущей ролью) США, постепенно начинает затрагивать и Японию. Притом, что последняя прочно встроена в сложившуюся под руководством США систему военно-политических отношений в Тихоокеанской Азии, Япония ощущает растущую неуверенность в прочности и эффективности этой системы с точки зрения интересов собственной безопасности.

В плане обеспечения военной безопасности Японии можно выделить несколько проявлений этого процесса.

Во-первых, главные приоритеты Японии в этой области (а именно: гарантированное выведение японской территории из-под возможного удара в случае военных действий на Корейском полуострове и предотвращение силовых акций КНР по установлению фактического контроля над спорными акваториями и территориями, в первую очередь островами Сэнкаку), очевидно, начинают расходиться с американскими. Для США эти моменты имеют в лучшем случае второстепенное значение на фоне более общих региональных задач.

Во-вторых, в Японии множатся сомнения в том, что статус союзника США дает ей какие-либо преимущества в плане учета ее особых интересов по сравнению с теми странами, которые (как, например, КНР) такого статуса не имеют, но активно продвигают в международных отношениях свою собственную повестку. А это в свою очередь порождает подозрения относительно непрочности в долгосрочном плане всей конструкции американоцентричной системы безопасности с ее иерархией "союзников" и "партнеров" и эфемерной

полезности статуса союзника США в контексте реальных вызовов и угроз безопасности.

В-третьих, идеологическая составляющая американоцентричной системы безопасности (приоритет "общих ценностей", "ценностная дипломатия", противодействие "свободного мира" нелиберальному капитализму), которая активно навязывается США своим союзникам, включая Японию, лишь в малой степени ограничивает свободу действий самих США при определении ими своей стратегии в регионе. С этой точки зрения, давление со стороны США в пользу замораживания отношений Японии с "нелиберальными" странами региона кажется японским политикам неоправданно лицемерным.

А в-четвертых, крайне неудобная для Японии неразбериха и кадровая неопределенность во внешнеполитических ведомствах Вашингтона при администрации Д. Трампа дополнительно побуждает японское руководство выстраивать собственную стратегию обеспечения безопасности, не привязываемую жестко к официальной доктрине США. Отступление от "американоцентричной" стратегии обеспечения безопасности пока никак не отражается в официальных документах доктринального характера (разве что в расстановке акцентов), но в практическом плане создается ощущение постепенного перехода к самостоятельным поискам договоренностей и выстраиванию отношений в сфере безопасности с другими региональными акторами без прямой координации действий с Вашингтоном.

Области внешнеэкономической стратегии определенным шоком для японских политиков стала неспособность американского истеблишмента обеспечить преемственность курса на построение либерализированной мировой экономики в глобальном масштабе, на утверждение которого долгое время работала деловая и экспертная элита США. Американский политический класс не только позволил Д. Трампу провести громкую и успешную предвыборную кампанию под лозунгами экономического национализма и протекционизма, но и осуществить целый ряд заметных практических мер в этом направлении. В числе последних, например, дезавуирование достигнутых по инициативе США договоренностей в рамках переговоров о Транстихоокеанском партнерстве; требование пересмотра условий других международных многосторонних соглашений о свободе торговли, в частности НАФТА; открытое политическое давление на страны, имеющие профицит в торговле с США.

Не меньшим поводом для переосмысления ситуации стало введение в марте 2018 г. масштабных пошлин на продукцию японской металлургии. При этом компаниям из ряда других стран, в том числе

никак не относящихся к союзникам или привилегированным партнерам Америки, было применено изъятие из режима повышенных ставок импортных пошлин, хотя бы в форме отсрочки повышения.

По существу, сложилась достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны, в лагере сторонников экономической глобализации в Тихоокеанской Азии, либерализации режима международной торговли и трансграничных инвестиций в этом регионе произошла перегруппировка. В авангарде этого движения оказались страны, которые ранее не считались, да и реально не были движущей силой этого процесса — Япония и Австралия. Именно они взяли на себя инициативу создания платформы нового Транстихоокеанского партнерства (теперь уже без участия США) в виде усеченного варианта ТТП, а именно: *Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP)* или ТТП-11.

С другой стороны, в Японии (и не только в ней) растет ощущение реальности начала в ближайшее время крупномасштабной торговой войны между США и их основными торгово-инвестиционными партнерами, что отбросило бы экономические отношения Японии с ее главным внешним партнером на несколько десятилетий назад. Причем это происходит на фоне беспрецедентных усилий японского премьера С. Абэ по выстраиванию доверительных личных отношений с новым американским президентом, что ослабляет и без того пошатнувшуюся уверенность в способности США быть гарантом безопасности Японии.

Рябов А.В. А как реагируют на происходящие в ТА изменения быстро растущие страны Юго-Восточной Азии, объединенные в АСЕАН?

Володин А.Г. Серьезной проблемой и — одновременно — скрытым ресурсом развития АТР остается преодоление внутренних дисбалансов экономик стран АСЕАН. Задача снижения диспаритетов развития рассматривалась как *политическая* при приеме в АСЕАН таких государств, как Лаос, Мьянма, Камбоджа. Снижение диспропорций социально-экономического развития имеет целью не только укрепление политических институтов в указанных странах, но также уплотнение *горизонтальных* (межгосударственных) связей и в конечном счете естественное повышение статуса АСЕАН как влиятельного “актера” региональной и мировой политики. Отнюдь не случайно страны АСЕАН стремятся способствовать максимально усложнению “уравнения” геополитических сил в регионе (в дополнение к Китаю и США) за счет пока слабо представленной в АТР России, а также Индии.

Канаев Е.А. Стремясь повысить свое влияние на развитие современного мира, Ассоциация

стран Юго-Восточной Азии принимает во внимание ключевые глобальные и региональные тенденции. На глобальном уровне наиболее важной является предстоящая Четвертая промышленная революция, ставящая перед АСЕАН ряд вопросов. Основной из них заключается в том, каким образом модифицировать правила экономического сотрудничества в осуществляемых Ассоциацией инициативах экономического регионализма и одновременно не допустить крупных социальных потрясений в ее государствах в условиях виртуализации экономических обменов и автоматизации производств? Не менее важные для АСЕАН проблемы — информационные “войны без правил” и дисфункция глобальных и региональных институтов в снижении остроты угроз международной безопасности, “цифровая” составляющая которых имеет тенденцию к усилению. Это подталкивает АСЕАН к выводу, что в “цифровую” эпоху она вступит на правах ведомого, а не ведущего игрока.

На региональном и мегарегиональном уровнях наибольшую значимость для Ассоциации имеют проекты Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) и Инициатива пояса и пути (ИПП).

Применительно к ИТР для Ассоциации важны следующие вопросы. Как сохранить внутреннюю сплоченность АСЕАН, если в планах участников Четырехстороннего соглашения в области обороны (*Quadrilateral Defense Cooperation — Quad*, далее *Quad*), представленного США, Австралией, Японией и Индией и являющегося единственным на сегодняшний день институциональным форматом ИТР, расширить его состав за счет стран ЮВА? Как проект ИТР отразится на способности АСЕАН эффективно выполнять функции координатора азиатско-тихоокеанских диалоговых форматов по безопасности, если залог ее успешности — мирная и стабильная международная среда, формированию чего развитие *Quad* препятствует? Будут ли хотя бы отдельные компоненты сотрудничества стран АСЕАН как между собой, так и с диалоговыми партнерами востребованы при формировании ИТР? Какую экономическую повестку будет иметь ИТР, и на каких условиях будет осуществляться финансирование инфраструктурных проектов? Пока эти вопросы, ключевые для интересов АСЕАН, остаются без ответа, она обречена на то, что как участие ее стран в *Quad*, так и попытка дистанцироваться от него одинаково негативно отразятся на ее международных позициях.

Инициатива пояса и пути ставит перед Ассоциацией не менее важные вопросы. С одной стороны, АСЕАН приветствует китайские инвестиции в свою инфраструктуру. По данным Азиатского банка развития, в 2016–2030 гг. на развитие инфраструктуры АСЕАН понадобится от 2.3 трлн долларов до 2.8 трлн

долларов, или от 184 млрд долларов до 210 млрд долларов ежегодно, в то время как резервы Инфраструктурного фонда АСЕАН составляют 485,3 млн долларов. С этой точки зрения, предстоящие китайские финансовые вливания, например в портовые хозяйства стран ЮВА, не могут не вызывать энтузиазма их руководителей. С другой стороны, Ассоциация не питает иллюзий относительно того, что Китай будет стремиться защитить собственные инвестиции, в том числе военными средствами, и конвертировать свои растущие экономические возможности в политическое влияние. Аналитики стран ЮВА уже озвучили сценарий, предполагающий создание в АТР и Евразии китаецентричной системы континентальной безопасности, частью которой станет ЮВА. Это снизит востребованность асеаноцентричных инициатив многосторонней дипломатии – АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС – в приоритетах партнеров Ассоциации.

Едва ли есть у прагматичных асеановцев иллюзии и насчет того, что Китай поставит перед ними вопрос об уступках по международным проблемам в качестве условия выделения инвестиций как отдельным странам, так и по части софинансирования субрегиональных инфраструктурных проектов, например, Трансасеановского газопровода или Единой энергосистемы АСЕАН. Примеры как элементов такого подхода КНР, так и готовности государств азиатского юго-востока к встречным шагам, уже есть.

Одним из последствий маргинализации асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности – и позиций АСЕАН как их координатора – будет снижение востребованности инициативы экономического регионализма Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) в приоритетах стран АТР. И дело даже не в том, что возрастет экономическое влияние в ЮВА Китая, которому на фоне пробуксовок ВРЭП не составит труда сомкнуть Зону свободной торговли КНР–АСЕАН и ИПП. Главное – трудности в реализации ВРЭП осложнят формирование Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), а следовательно – сохранение “инклюзивного АТР”, предлагающего США и КНР консолидирующую повестку сотрудничества.

Рябов А.В. И в заключение остановимся на том, как России следует учитывать изменения в ТА, открывают ли они какие-то новые возможности для нашей страны?

Федоровский А.Н. России прежде всего предстоит адаптировать решение своих внутренних задач к вызовам и возможностям, складывающимся в Тихоокеанской Азии.

Мазырин В.М. Происходящие в регионе события и наблюдаемые тенденции в кратко- и средне-

срочном плане не соответствуют интересам России, так как объективно ослабляют ее позиции в пользу Китая, но долгосрочно создают условия для ее “возвращения” в регион в качестве если не противовеса, то альтернативы Китаю, конечно, при условии, что у РФ найдутся для этого силы и желание. Пока “поворот на Восток” в этом регионе, не считая Китая, не состоялся (не согласен с мнением Федоровского, что “российско-китайский альянс не состоялся”). Новые возможности для развития двустороннего сотрудничества появятся только при увеличении экономической мощи России и ее реальных достижениях в научно-техническом прогрессе, которые станут доступны партнерам. Пока этого нет, РФ создает заделы на будущее в виде зон свободной торговли ЕАЭС с членами АСЕАН (вслед за Вьетнамом Соглашение о свободной торговле готовы подписать Индонезия, Сингапур и др.). Они имеют по преимуществу геополитическое значение, но должны доказать свою экономическую выгоду.

Михеев В.М. Китай будет продолжать использовать Россию как карту в игре с США, а военнополитическое сотрудничество с нами – как фактор давления на США в период ухудшения китайско-американских отношений. У России нет своей повестки для АТР. ЮКМ далеко от интересов безопасности, к тому же Россия оказывается здесь в неприятном положении балансирования между Китаем и Вьетнамом в их сложных политико-территориальных спорах. По Северной Корее – Россия идет вслед за китайской линией поведения, не имея своего варианта разрешения конфликта. Китайская стратегия Морского Шелкового пути (МШП) и перспективы ТПП-11 либо возрождения идеи китайско-американского партнерства таят угрозы маргинализации России в АТР. Концепция так называемой Большой Евразии скорее отдаляет Россию от АТР, чем приближает. В среднесрочной перспективе России нужны не грандиозные планы, а, во-первых, повседневная работа по улучшению своей экономической привлекательности для стран АТР и, во-вторых, поиск вариантов взаимодействия с региональными лидерами по решению северокорейской ядерной проблемы и далее по выстраиванию в АТР отношений военно-политического доверия и понимания взаимных интересов и озабоченностей в сфере безопасности.

Канаев Е.А. Оценивая влияние этих процессов на перспективы диалога АСЕАН с Россией, отметим, что рассмотренные выше трудности АСЕАН совпали с экономическими проблемами России, антироссийскими санкциями Запада и низкими ценами на нефть. В своей совокупности это привело к сокращению масштабов торгово-инвестиционных обменов АСЕАН с Россией. Дальнейшее развитие проектов ИТР и ИПП, привнеся разде-

лительные линии внутри АСЕАН, может негативно отразиться на ее отношениях с Россией, китайский крен политики которой не может не вызывать обеспокоенности Ассоциации.

Тем не менее АСЕАН и Россия разделяют три фундаментальных интереса. Первый из них – формирование многополярного мира, дающего им обоим шансы на достойное будущее. Второй – укрепление центральной роли АСЕАН в АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, а следовательно – нейтральная основа переговоров с участием многих игроков АТР. Третий интерес таков, что Россия и АСЕАН придают большое значение так называемому наращиванию взаимосвязанности, в том числе для привлечения иностранных инвестиций в собственные инфраструктурные проекты.

С этой точки зрения Россия и АСЕАН объективными обстоятельствами подталкиваются к развитию проекта “Большая Евразия” и созданию его институционального каркаса посредством связки АСЕАН–ШОС–ЕАЭС. Хотя об этом формате участники Юбилейного саммита Россия–АСЕАН, прошедшего в г. Сочи в мае 2016 г., упомянули в контексте наращивания экономического сотрудничества, его политическое и военное измерение может быть не менее перспективным. АСЕАН имеет многолетний практический опыт согласования интересов крупных международных игроков в рамках АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, что особенно важно, учитывая, что в обозримой перспективе деятельность расширенной ШОС будет лишена драматических прорывов, а ЕАЭС является площадкой для обсуждения экономических вопросов. Со своей стороны, Россия может предложить Ассоциации свой опыт и потенциал в противодействии нетрадиционным угрозам безопасности, главным образом – международному терроризму. С этой точки зрения символично, что в год пятидесятилетия АСЕАН Россия заключила с ее председателем – Республикой Филиппины – контракт о военно-техническом сотрудничестве с перспективой его дальнейшего расширения.

В целом укрепление безопасности имеет хорошие шансы стать консолидирующим элементом российско-асеановского диалога, способным активизировать взаимодействие на других направлениях. С этой точки зрения интересам сторон отвечает разработка взаимодействия АСЕАН–ШОС–ЕАЭС, главным образом его институциональной составляющей.

Воскресенский А.Д. Усложнение ситуации в регионе требует более “рафинированной” экспертизы. Дело в том, что появляются новые вызовы, на которые Россия не имеет возможности адекватно реагировать (например, усиление военно-технологического потенциала КНР), но также

и новые возможности. Среди таких новых возможностей я бы назвал развитие научно-технологического сотрудничества с Китаем. Причем вероятно, что в условиях введения американских санкций в отношении и Китая, и России, возникнут возможности для усиления равноправия и взаимовыгодности такого сотрудничества. Открываются новые перспективы для сотрудничества и с другими странами Восточной Азии, среди которых Япония, Вьетнам, Индонезия, Сингапур, Малайзия и др. Крупные страны Восточной Азии, такие как Индонезия и Вьетнам, также могут стать надежными партнерами во взаимовыгодном военно-техническом сотрудничестве. Появляются у России и новые перспективы встроиться в восточноазиатские производственные цепочки с участием “Большого Китая”, в том числе и с участием Сингапура и Тайваня и т.д.

Рябов А.В. Итогов подводить мы не будем – слишком большой круг проблем был затронут, слишком значительные изменения происходят в регионе, масштабы и последствия которых пока выглядят трудно предсказуемыми. Надеюсь, что наш Круглый стол поможет исследователям, участникам сегодняшнего собрания продвинуться в понимании этих изменений.

Сумский В.В. Считаю нужным оговориться: ничто из сказанного не следует рассматривать как принижение “Азиатского чуда” второй половины XX – начала XXI в. Речь, по сути дела, о том, что эта славная эпоха кончается, и от эйфории, которая сопутствовала ей в последние десятилетия, лучше бы избавиться как можно скорее в интересах выработки новой “стратегии успеха”.

От редакции. В связи с тем, что во время, прошедшее со дня проведения Круглого стола, в АТР произошли события, вызвавшие большой международный резонанс, редакция сочла нужным сделать небольшой комментарий-послесловие. В первую очередь это связано с необходимостью дать оценку итогам встречи лидеров США и КНДР в Сингапуре, состоявшейся 12 июня, которую многие мировые СМИ охарактеризовали как историческую. Однако этот саммит не привел к каким-либо сдвигам в решении одной из важнейших проблем международной безопасности в АТР – северокорейской ракетно-ядерной программы. Пхеньян не взял на себя никаких конкретных обязательств в отношении практических шагов по осуществлению отказа от этой программы. В совместном заявлении сторон говорилось лишь об их намерении идти по пути денуклеаризации Корейского полуострова (но не ядерного разоружения КНДР). Ким Чен Ыну удалось укрепить свой международный престиж и представить себя лидером, готовым к переговорам и компромиссам, но при этом не пойти

ни на какие уступки. Очевидно, что Пхеньян не намерен отказываться от ядерного оружия и хочет использовать активизацию переговорного процесса для того, чтобы выиграть время и возобновить торгово-экономическое сотрудничество с остальным миром, получить доступ к международной финан-

совой помощи и технологиям. Все это подтверждает выводы участников Круглого стола, скептически расценивших готовность КНДР к ядерному разоружению и выразивших мнение, что неопределенность вокруг Корейского полуострова сохранится еще на долгое время.

Материал к печати подготовил
А. РЯБОВ (andreyr@imemo.ru).

**REFORMATING THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN PACIFIC ASIA:
VECTORS AND DYNAMICS OF CHANGES**

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 112-122)

Received 09.06.2018.

We offer our readers a review of the discussion at the "round table" which took place in editorial office of "World Economy and International Relations" April 9, 2018. Discussion was devoted changes analysis in the system of international and trade and economic relations, in regional security in Pacific Asia (PA). Participants of discussion considered evolution of policy of leading regional countries (China, Japan) and transnational associations (ASEAN), dynamics and prospects of integration processes in PA as well. Participants: Volodin A.G., Doctor Sci. (History), prof.; Voskressenski A.D., Doctor Sci. (Political Sci.), prof.; Davydov O.V.; Kanaev E.A., Doctor Sci. (History), prof.; Karneev A.N., Cand. Sci. (History); Lomanov A.V., Doctor Sci. (History), prof.; Mazyrin V.M., Doctor Sci. (Econ.); Mikheev V.V., acad. of RAS; Ryabov A.V., Cand. Sci. (History); Sumsky V.V., Doctor Sci. (History); Fedorovscky A.N., Doctor Sci. (Econ.); Shvydko V.G., Cand. Sci. (Econ). The report is published in two issues of WEIR.

Keywords: Pacific Asia, Indo-Pacific region, international relations, integration processes, regional security.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-112-122